

предложить принципиально иного пути к обретению бытия на уровне со-творчества.

Необходимо усвоить все предваряющие, по отношению к третьему типу, связи как его предпосылки, которыми служат раскрытые связи двух других типов — социал-органического и атомистического, находящиеся в сложном переплетении друг с другом. Можно предположить, что чем глубже укорененность со-творчества в своих предпосылках, тем оно основательнее и тем радикальнее его новизна. Со-творчество человека разворачивается на основаниях своеобразного индивидуализма и коллективизма, опосредствующих его связи с универсумом.

В многообразии единичных субъектов их бытие не только сочетает различные связи, но, вместе с тем, может как бы распределяться по всем типам связей по признаку преобладания. Однако связи третьего типа встречаются реже других, и не могут быть наиболее частыми из всех, так как постоянно требуют от субъекта прорыва в свою среду из тисков связей, удерживающих его и в то же время подготавливающих предпосылки развития. Кроме того, охват преобладающим со-творчеством не может приблизиться к тому, чтобы стать “поголовным”, поскольку такой охват всего сообщества означает жесткий диктат целостностью обязательным требованием от индивида какой-либо творческой новизны. Выполнение этого требования в условиях тотальной индивидуальной свободы творчества и механической обязательности последнего становится чрезвычайно затрудненным и угрожает превратиться в общественный долг как тяжкое бремя самой откровенной личностной несвободы. Таким образом, антиномия свободы и необходимости, определенным образом присутствующая на до-свободном этапе творческой эволюции, в некотором отношении может характеризовать и со-творческий этап развития связей человека в культуре.

М.Ю. Гудова
Екатеринбург

ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ВО ВНУТРЕННЕМ БЫТИИ ЧЕЛОВЕКА КУЛЬТУРЫ

При изучении такого феномена как переживание традиционным является физио- и социопсихологический подход, однако рассмотрение переживания возможно и на философско-психологическом уровне исследования. Реализован он в трудах философов-интуитивистов: А. Бергсона, Н.О. Лосского,

С.Л.Франка ; экзистенциалистов-феноменологов : М.Хайдеггера и М.Шелера, М.Бубера, М.М.Бахтина; и исследователей постфрейдистского направления : К.Юнга, Э.Фромма, Э.Берна и других.

В понимании мира и человека одним из основоположников “герменевтики души” Анри Бергсоном вопрос о переживании связан прежде всего с проблемой познания жизни. Жизнь ускользает от познания ее инстинктом, так как “инстинкт лишь органически действует” (1) и ничего собственно не познает, является самосознанием или рефлексией. Жизнь недоступна и интеллектуальным средствам познания, так как живая жизнь не поддается теоретической реконструкции. Единственным средством познания жизни в непосредственном переживании является интуиция.

Переживание является, по Бергсону, способом непосредственного, не рефлексивного восприятия мира. “Наше настоящее — это то, что действует на нас и заставляет нас действовать, то, что сенсорно и моторно, — наше настоящее есть прежде всего состояние нашего тела. Наше прошлое же, напротив, — это то, что уже не действует, но могло бы действовать, — то, что будет действовать, вписавшись в наличное чувственное восприятие и заимствовав у него жизненность... Имея дело с памятью, мы находимся в области духа. (2)

Итак, находясь в области переживания, мы постигаем настоящее, данное нам телесно, чувственно. Находясь в области памяти, мы постигаем наше прошлое, данное нам в виде образов-воспоминаний. Интуитивное постижение жизни осуществляется в напряженном телесно-духовном единстве переживания и памяти, восприятия и воспоминания. Наиболее совершенными формами интуитивного постижения жизни А.Бергсон считал искусство и философию, как один из жанров художественного, основанного на интуитивном постижении мира в процессе переживания.

Иной статус имеет переживание в концепции Мартина Хайдеггера. В его экзистенциальной онтологии *Da-sein* — “здесь бытие” имеет три модуса : “падение” человека в мир, как результат его собственного выбора; “заброшенность” человека в мир, когда человек обнаруживает себя уже помещенным в мир независимо от его воли; “проект” — понимание “здесь-бытия” своих возможностей, проектирование наперед самого себя.

Нас более всего интересует “заброшенность” человека в мир, которая открывается каждому в его “онтической настроенности” — настроениях, эмоциях, ощущениях “себя среди сущего в целом”. Мир и человек в такой онтологии эмоционально со-

звучны. Они едины не только с точки зрения бытия и сознания, Объекта и Субъекта, но и как физическое и психическое, субъективированное переживание и реальное качество бытия. Переживание, по Хайдеггеру, интенционально: оно направлено на бытие и одновременно на соразмерного ему человека. “Наше настроение не только приоткрывает нам, всякий раз по своему, сущее в целом, но такое приоткрывание ... есть в то же время и фундаментальное событие нашего бытия” (3)

Эмоционально определяя бытие, человек определяет и свое собственное состояние. Переживаемые человеком состояния, по Хайдеггеру, прежде всего являются состояниями самого бытия. Человек тревожен в тревожном мире, и озабочен в мире забот. В то же время переживание является способом конституирования бытия для человека. Так Хайдеггер рассматривает генезис понятия “картина мира” и “мировоззрение” (4)

“Появление слова “мировоззрение” как обозначения позиции человека посреди сущего свидетельствует о том, как решительно мир стал картиной, когда человек в качестве субъекта поднял собственную жизнь до командного положения всеобщей точки отсчета. Это значит: сущее считается сущим постольку и в такой мере, в какой оно вовлечено в эту жизнь и соотнесено с ней, то есть переживается и становится переживанием.” (5)

Поскольку человек изначально не обладает собственной сущностью, то нет у него и понятия “переживание” (К примеру, “у греков на праздничных торжествах в Олимпии не могло быть никаких “переживаний” (6)). Оно появляется по мере превращения человеком собственной сущности в действительность (у европейцев это происходит с началом Нового времени — 16-17 века (7)), когда человек в “ужасе” и “страхе” начинает осознавать “метафизику” своего бытия, постоянную пограничность между “Здесь” и “Ничто”.

Позже переживание понимается Хайдеггером как “отказ от осмысления, как закрытая от самой себя, организованная неспособность подняться до какого-либо отношения к тому, что достойно вопрошания” (8), переживание критикуется с позиции рационализма, как противостоящее ясной абстрактной логике техники.

В то же время переживание наделяется философом способностью к низведению объективно существующего бытия на уровень субъективной внутренней реальности человека, и с этой точки зрения Хайдеггер критикует понятие “ценность”, говоря, что “именно характеристика чего-то как “ценности” лишает так оцененное его достоинства... Из-за оценки чего-либо как

ценности, оцениваемое начинает существовать только как предмет человеческой оценки... Всякое оценивание, даже когда оценка позитивна, есть субъективация. Она оставляет сущему не быть, а — на правах объекта оценки — всего лишь считаться” (9).

В противоречии раскрывается и роль процесса переживания в искусстве. С одной стороны, ученый признает, что именно чувственное восприятие мира, которое теперь, говорит Хайдеггер, называют переживанием, является предметом “художественного творения” и эстетического отношения к миру. Переживание, с одной стороны, “оказывается важнейшим источником, задающим меру” (10), формирующим художественный и эстетический вкус, определяющим процесс созидания и пользования, наслаждения в искусстве и со стороны творца, и со стороны потребителя, — и в этом смысле переживание может быть истолковано как сущностная характеристика искусства.

С другой стороны, Хайдеггер и в отношении искусства отмечает, что когда мы толкуем все механизмы существования художественного: производство, восприятие, смыслообразование и прочее, через переживание, то есть субъективацию объективно существующей художественной действительности, то тем самым, мы замыкаем сферу существования искусства лишь человеческой субъективностью — она становится не только предметом художественного освоения, но и единственным местом обитания художественного, и тем самым искусство утрачивает свой онтологический статус “Все — переживание. Однако переживание, по-видимому, есть та стихия, в которой искусство гибнет” (11).

Размышляя не только об общих закономерностях эстетического и художественного, не только о сущности, но и о действительности, о судьбе искусства в XX веке, Хайдеггер отмечает изменение самого характера переживания в современной ему европейской культуре: с одной стороны, “искусство выступает из круга переживания”, а с другой стороны, “меняется то, что переживается, — причем так, что переживание становится еще более субъективным, нежели прежде (12). И в том, и в другом случае, по мнению ученого, и при восприятии абстракционистского и при восприятии сюрреалистического искусства, переживание оказывается не только сущностным, но и не единственным. Крайние субъективированные формы переживания для своего осуществления в культуре, перехода от сущности к действительности, к “здесь-бытию”, по Хайдеггеру, нуждаются в дополнении всеми духовными силами человека: не только силами Красоты, но и Истины, а, следовательно-

но, рассудка. В напряженной, вольной игре всех духовных сил человека: переживания, воображения и рассудка, достигает искусство той стихии, где происходит его становление в действительность.

Как пишет Г. Гадамер во Введении к “Истоку художественного творения”: “В нем (художественном творении) царит явное напряжение между восходом и закатом, скрыванием, и это напряжение выявляет самую сущность творения. Напряжение это и определяет уровень художественного творения, его облика и склада, оно и порождает блеск, каким затмевает творение все находящееся рядом и вокруг него” (13).

Таким образом, в онтологической экзистенциальной эстетике М. Хайдеггера переживание оказывается сущностью искусства в отношении бытия (*essentia*), однако для перехода искусства (*existentia*) в действительность (*Da-sein*) переживание должно быть дополнено всеми духовными силами человека, в особенности рассудком. Напряженное единство всех духовных сил: переживания, воображения и рассудка в произведении искусства позволяет говорить, на наш взгляд, об интонационности художественного творения, и человеческого бытия, является основой понимания переживания и искусства в повседневном бытии человека культуры.

В феноменологической антропологии Макса Шелера понятие “переживание” является одним из центральных, поскольку ценностная онтология рассматривает переживание как один из ведущих механизмов ценностно-постигающего процесса. Ценности, по Шелеру, есть объективные качественные феномены, обнаруживаемые в акте эмоциональной интуиции и недоступные абстрактному, формально-логическому мышлению. Содержанием ценностей являются нормы и оценки, носителем — предметы и явления. Двумя главными формами эмоционально-ценностного бытия человека в мире являются, по мнению ученого, любовь и ненависть. Именно любовь, *ens amans* (любящее бытие), видит Шелер в основе жизни человеческого духа, когда преодолевая собственную телесность и прагматизм, человек открывает в любовном отношении весь мир, отрываясь от сиюминутноутилитарного, и приближается к божественному. Многообразные душевные эмоциональные проявления человека “... то, что мы называем “душой” или, образно говоря, “сердцем” человека, это не хаос слепых состояний чувств. Душа сама есть расчлененное отражение космоса всего могущего быть достойным любви — и поэтому она есть также микрокосм мира ценностей, “*le cœur a ses raisons*” — у сердца свои доводы” (14). Таким образом, ценности, по М. Шелеру, суще-

ствуют и как объективные феномены, и как строй чувств (*ordo amogies*) — душа человека, а механизмом постижения ценностей в этой теории является переживание: “в переживании мир ... непосредственно дан и в качестве “носителя ценностей” и “сопротивления”, ...и в качестве “предмета” (15)

“*Ordo amogies*” — строй чувств, движение сердца и страстей, является как нравственной формулой человека, ядром личности, от которого зависит то, что человек воспринимает, мыслит, волит, избирает, совершает, исполняет, так и основой судьбы и структурой среды, которые вырастают из целесообразных процессов психовитального субъекта в человеке. “У сердца, — по Шелеру, — в его собственной сфере имеется строгий аналог логики, отнюдь не заимствованный им из логики рассудка. В него ... вписаны законы, соответствующие плану, по которому мир выстроен как ценностный мир... У “сердца” нет доводов, а есть лишь *soi-disant* доводы, то есть мотивы, желания, ... реальное и очевидное понимание фактов, к которым слеп всякий рассудок. ...Есть *ordre du couer, mathematique du couer, logique du couer* (порядок сердца, математика сердца, логика сердца), которая столь же строга, столь же объективна, абсолютна и непреложна, как правила и выводы дедуктивной логики. (16)

Этой внутренней доминантой душевной-духовной жизни человека является строй чувств. Однако самим чувствам, переживаниям в феноменологической антропологии М.Шелера придается онтологический статус. Содержание переживания оказывается внеположенным человеку, принадлежащим бытию. “Сердце” (душа) — ... это воплощение хорошо ориентированных актов, функций, несущих в себе строгую самостоятельную законосообразность, независимую от психологической организации человека и работающих точно, пунктуально, тщательно” (17). Подобно тому, как микрокосм души, строй чувств повторяет в своей формуле структуру макрокосма — всеобщего бытия, также в переживаниях отдельно взятого человека обнаруживается идея духа, как божества, и который как таковой не содержит никаких ограничений, собственных человеческой (телесно-инстинктивной) организации (18).

Таким образом, и строй чувств, и отдельное переживание как актуальное состояние души, и иерархия ценностей — все это оказывается не произвольным эмоционально-психическим содержанием жизни человеческого духа, но аналогично духу божественному, а потому объективно, закономерно и онтологично.

Переживание является одним из ключевых понятий и в философии Мартина Бубера. По Буберу, вся жизнь человека есть отношение: жизнь с природой, жизнь с людьми и жизнь с духовными сущностями. “Отношение есть взаимность” (19), — говорит Бубер и отвергает понимание познания как отношения, так как познание есть одностороннее отдаление, и подчеркивает переживательный, страстный характер отношения — “оно одновременно и страдательно и активно” (20).

Если А.Бергсон связывал жизнь человеческого духа с обращением к прошлому, с памятью, то для М.Бубера важно непосредственное отношение к подлинному, наполненному настоящему. “Сущности переживаются в настоящем, объективности — в прошедшем времени”. (21)

В виду отношения, взаимности существует метафизическое метаспсихическое явление — любовь, возникающее между Я и Ты, но охватывающее своим воздействием весь мир. Чувства, по Буберу, лишь сопровождают любовь и могут быть различными: “чувства обитают в человеке (являются проявлением человеческого душевного мира), человек же обитает в своей любви” (22) Любовь принадлежит бытию в котором осуществляется человек.

Отношение возможно в двух формах: как событие-отношение — его Бубер называет переживанием; и как состояние-отношение — именуемое жизнью. Само отношение — это модель души. Переживаемое отношение — это непосредственная реализация врожденной душевной сущности во встреченном событии. Пережитое отношение, наоборот, — объективируется, в нем впервые человек “размещает вещи в пространстве и времени, устанавливает связь причин, впервые каждая из них получает свое место, свой срок, свою меру, свою обусловленность” (23).

Отношение к другому как к Ты — актуально переживаемое событие — есть чистая длительность, обладающая самодетерминированным напряженным темпом. Такое отношение, по Буберу, порождает музыку, “чистое струение”, в таком событии-отношении человеку открывается сущность вещей, и все происходящее человек переживает как бытие. Переживание является миром, в котором живет человек, оно принадлежит бытию. Если человек пытается понять, объяснить, объективировать собственное внутреннее состояние и интенциональную настроенность окружающего, он тем самым разрушает онтологичность и непосредственную данность бытия, и само бытие.

Отношение к другому в качестве Оно обладает законченностью и определенностью в системе координат пространства-времени. Поэтому, когда переживание становится прошлым, отдельное Ты превращается в Оно. Жизнь человека в мире Оно подчинена рационально познаваемым причинно-следственным связям. Модус любви — события-отношения уступает в этом мире свое место — познанию и использованию — состоянию-отношению. Модусы переживания -любви и познания-использования выполняют в мире Оно разные функции. Человек и до того раздвоенный, живет теперь событиями-отношениями в области чувств, и познанием-использованием в области учреждений. Человек раздваивается в мире Оно на человека, живущего частной жизнью, “где чувства — богатый развлечением будуар”, и общественной жизнью, где “учреждения — это бездушный Голем”, и “оба не знают человека” (24). Единственным спасением для человека, живущего в таком мире, является обретение способности снова обращаться к миру Ты, что является сущностью духа.

Человек, вступая в отношение с другими людьми, становится носителем духа, выявляет себя как личность. Личность — “есть природная форма духовного единства” (25). Личность осознает самого себя как участвующего в бытии, познает себя как бытие. Личность характеризуется способностью к страдательному и активному — страстному мироотношению. Индивидуальность замкнута в рационально-прагматическом мире Оно. Страстное Ты — есть приближение к вечному Ты, где человек достигает единения и цельности, обретает устойчивость души. Различными формами душевных состояний является и отношение и чувство: чувство подчинено динамике душевной жизни, находится внутри полярно-напряженной системы; отношение есть единство противоположных чувств (*coincidentia oppositorum*).

Прорыв в сферу духа, единство души, по Буберу, достигается двумя путями: либо сосредоточением всех душевных сил, когда “существо одиноко пребывает в самом себе и ликует” (26), либо в самом отношении когда мир и человек становятся одним. И тот и другой путь осуществляется в действенном поступке, осуществляемом в переживаемой реальности, там, где есть цельный, стремящийся к настоящему человек.

Таким образом, переживание является одним из важнейших феноменов, в недрах которого происходит становление прежде всего внутренней “культуры души”, результатом работы которой является культура внешнего, социально направленного бытия человека.